

Научная статья
УДК 82-121
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-212-216

**КОНЦЕПТ «ХАОС» В ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
(на примере стихотворения «Раковина»)**

© **Духнова Мария Александровна**
ассистент, магистрант,
Пермский государственный научный исследовательский университет
Россия, г. Пермь
mariyafei@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются лексические средства, формирующие концепт «хаос» в стихотворении О. Э. Мандельштама «Раковина». Сопоставляются два варианта перевода стихотворения на китайский язык, выявляются особенности репрезентации концепта при переводе.

Ключевые слова: поэтический концепт, китайский язык, русская поэзия, перевод поэзии.

**THE CONCEPT OF "CHAOS" IN MANDELSTAM'S LYRICS
AND REFLECTION IN TRANSLATIONS INTO CHINESE
(on the example of the poem "Shell")**

© **Mariya A. Dukhnova**
Assistant, Master's Student,
Perm State University
Russia, Perm
mariyafei@gmail.com

Abstract. The article analyzes the lexical means that form the concept of "chaos" in Mandelstam's poem "Shell". Two variants of the poem's translation into Chinese are compared. The article highlights the features of the concept in the translation texts.

Keywords: poetic concept, Chinese language, Russian poetry, translation of poetry.

В современной лингвистике существует множество работ, связанных с попыткой как можно более детально и широко представить понятие «концепт». В общем смысле «концепт» можно представить в виде единицы, с помощью которой моделируется картина мира. В. В. Колесов определяет концепт как резервуар смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений [4, с. 68]. Н. Н. Болдырев дает такое определение концепта – это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности [1, с. 25–26]. Исследователями подчеркивается слоистость структуры концепта, его нестатичность. В конкретном поэтическом тексте актуализируются различные признаки и слои концепта, обусловленные разной комбинаторикой его призна-

ков, что и создает индивидуальную неповторимость поэтического произведения [6, 13].

Анализ ключевых концептов творчества авторов важен не только для понимания его поэтической картины мира, но и для корректного перевода произведения на другие языки. Поэтический перевод представляет собой особую область художественного перевода. С. Ф. Гончаренко определяет поэтический перевод, как перевод текста, созданного на одном языке, при помощи поэтического текста на языке перевода [3, с. 109]. Фактически он предполагает создание нового поэтического текста с сохранением оригинального концептуального и эстетического содержания. В свою очередь Я. Л. Либерман выделяет такие понятия как «эмоционально-психологический потенциал произведения», а также «эмоционально-психологическая восприимчивость читателя» [5, с. 7]. По мнению исследователя, чем более совпадают потенциал и восприимчивость, тем более качественен перевод. Особого внимания заслуживает репрезентация поэтических концептов на языке оригинала и последующее их сопоставление с отражениями в переводе.

Данная статья посвящена репрезентации концепта «хаос» на языке оригинала и его отражению в переводах на китайский язык. Для анализа было выбрано стихотворение 1911 года «Раковина» и варианты его перевода на китайский язык двух авторов: Ван Чжиляна (王智量) и Ли Шудуна (李树冬). Не смотря на большое количество работ, посвященных исследованию творчества О. Э. Мандельштама, поэтические концепты его лирики до сих пор недостаточно изучены. Концепт «хаос» в лирике О. Э. Мандельштама отличается индивидуально-авторским стилем, разнообразием образов, динамичностью и расширяемостью в формате всего творчества автора. Кроме того, концепт «хаос» отражает особенности его поэтической картины мира, черты символизма и акмеизма, которые причудливо сочетаются в творчестве автора [2, с. 116].

Рассмотрим первую строфу стихотворения «Раковина»: *Быть может, я тебе не нужен, / Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой.* Концепт «хаос» здесь раскрывается через образы ночи и мировой пучины. Ночь – явление, неподвластное человеку, в то же время это некая высшая таинственная стихия. Образ пучины неотрывно связан с морской стихией, с другой же стороны пучина ассоциируется с губительной бездной, хаосом. Здесь же сам этот образ дополняется еще и словом «мировая», т.е. всеобъемлющая, глобальная. Лирический герой сравнивает себя с «раковиной без жемчужин», ощущение пустоты, покорности подчеркивается и использованием пассивного залога в строке «я выброшен на берег твой».

Обратимся к двум вариантам перевода данного стихотворения на китайский язык и проанализируем лексические единицы, относящиеся к концепту «хаос». При переводе словосочетания «из пучины мировой» оба переводчика используют сочетание 宇宙的深渊 ‘мировая бездна’, при этом слово 深渊 толкуется в китайском словаре 新华字典 как ‘очень глубокая вода’ – а также метафора сложных и опасных ситуаций. Как видно образы «хаос – стихия» и «хаос – опасность» сохранены в обоих вариантах перевода.

В следующей строфе лирической герой продолжает обращаться к незримому и молчаливому собеседнику, при этом тема моря и стихии становится все шире и

глубже: *Ты равнодушно волны пенишь / И несговорчиво поешь, / Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины ложь*. Равнодушные волны, несговорчивая стихия – это образ первоосновы существования, с ее равнодушным течением времени, которое не зависит от человека. «Ты полюбишь, ты оценишь», – герой будто уговаривает стихию быть снисходительнее к маленькой раковине. Образ стихии, хаоса здесь иллюстрируются с помощью оборотов «равнодушно волны пенишь», «несговорчиво поешь». В переводе этих словосочетаний у авторов видно расхождение в используемых лексических единицах. В варианте Ван Чжиляна 你淡漠地揉取泡沫, 用那浪花 ‘ты апатично замешиваешь пену, используешь брызги волн’ глагол «пенишь» заменяется на оборот 揉取泡沫 ‘вымешивать, растирать пену’. Слово 浪花 имеет несколько значений: и барашки волны, и брызги морской воды, и пена волн, что усиливает создаваемый образ морской стихии. Вариант Ли Шудуна отличен: 你冷漠地吐着泡沫的浪花 ‘ты равнодушно выплевываешь пенящиеся волны’, переводчик выбирает другой глагол с более негативной окраской – 吐 ‘плевать, извергать, выплевывать’, тем самым усиливая равнодушное отношение стихии не только к лирическому герою, но и ко всему внешнему. При переводе словосочетания «несговорчиво поешь» Ван Чжилян отходит от приема полного перевода, вводя фразу 你只顾自己在固执地歌唱 ‘ты, заботясь только о себе, упрямо поешь’. В другом варианте перевода используется фраза 并自以为是地歌唱 ‘самодовольно поешь’, при этом словосочетание 自以为是 имеет значение ‘считать себя всегда правым, непогрешимым, не сомневаться в своей правоте’. Таким образом, лексические единицы, выбранные Ван Чжиляном для перевода отражают равнодушие стихии, ее независимость от человека. В варианте же Ли Шудуна использован глагол с более негативной эмоциональной окраской, кроме того перевод фразы «несговорчиво поешь» усилен использованием сочетания «самодовольный, непогрешимый».

В следующей строфе стихия уже не столь равнодушна к раковине, она ложится рядом, она наделяет раковину одеянием, в этих строках чувствуется надежда на гармоничное сосуществование, надежда на будущее, происходит связь стихии и раковины: *Ты на песок с ней рядом ляжешь, / Оденешь ризою своей / Ты неразрывно с нею свяжешь / Огромный колокол зыбей*. При этом создается ощущение глобальности происходящего. Зыбь – мельчайшее, практически незаметное колебание – соединяется с образом огромного колокола. И «зыбь», и «колокол» можно воспринимать как колебания, импульсы жизни. В этой строфе чувствуется, как рождается связь стихии и раковины, как наполняется ранее пустая оболочка.

Ключевой фразой, раскрывающей концепт «хаос» в данной строфе является словосочетание «огромный колокол зыбей». Ван Чжилян в своем варианте перевода 你会和它连结在一起, 要分也难, / 被那水浪奏出的洪亮钟声 ‘Ты будешь с ней связана вместе, разлучиться трудно, / Играемый волнами воды громкий колокол’ использует пассивный залог, а также глагол 奏出 ‘играть на музыкальных инструментах’. Тем самым, образ колокола ассоциируется в первую очередь с музыкальным инструментом. Ли Шудун в свою очередь переводит эти строки так: 你将牢固地把它 / 系在波涛的巨钟之上 ‘Ты будешь прочно ее привязывать к

водяному гигантскому колоколу'. Если в первом варианте присутствует музыкальный образ (колокол, как инструмент, используемый глагол – играть на музыкальном инструменте), то во втором варианте даже сам колокол водяной, созданный из огромных волн. Второй вариант перевода воссоздает образ колокола как часть стихии, часть хаоса.

В последней строфе уже нет ощущения торжественности, нет громких звуков, только шепот, туман, звуки дождя: *И хрупкой раковины стены, / Как нежилого сердца дом, / Наполнишь шепотами пены, / Туманом, ветром и дождем...* Прилагательное «нежилой», которое принято употреблять с помещением, здесь относится к слову «сердце», «нежилое» – значит лишённое смысла, и все же в финале стихотворения оно станет заполненным, обретет смысл существования. В отличие от первых строф стихотворения, где стихия была равнодушна к существованию раковины, здесь же раковина уже является связанной со стихией, является частью жизни. Если ранее образ стихии был губительным, опасным, несговорчивым, то здесь уже используются такие лексические единицы как «шепоты пены», «туман», «ветер», «дождь». Это все также проявления стихии, неподвластной человеку, однако, хаос уже не столь отрешен и безжалостен, он уже находится в связи с раковиной.

В последних двух строках, где в оригинале нет ни одного прилагательного, Ван Чжилян предпочитает добавить эпитеты для создания звукового образа: 被你充满了, 用喃喃的泡珠, /用轻风, 用细雨, 用海上迷雾 'Тебя наполнит пузырящейся пеной, легким ветром, морозящим дождем, туманом над морем'. Автор перевода «окрашивает» каждое существительное: у слова «пена» появляется эпитет 喃喃的 'бормочущий, невнятный', у «ветра» 轻 'легкий', «дождь» становится 细雨 'морозящим дождем', а просто «туман» превращается в 海上迷雾 'туман надо морем'. Все это помогает сохранить музыкальный образ, возникший еще в предыдущей строфе, подчеркивает переход от громких и резких звуков к мягким и слабым. Вариант Ли Шудуна более конкретен, хотя также не лишен дополнительных эпитетов: 你让它充满波涛的絮语 /还有迷雾、急风和暴雨 'Ты наполняешь ее бормотание волнами, / Туманом, резким ветром и проливным дождем'. Интересно, что автор использует словосочетание 波涛的絮语, которое можно перевести как 'болтовня, докучливые разговоры волн'. Ветер здесь становится 急风 'порывистым', а дождь – 暴雨 'шквалистым, проливным'. Если в варианте Ван Чжиляна картина создавалась вполне мирная и спокойная, даже музыкальная, то в варианте Ли Шудуна подчеркивается сила и резкость стихии.

Человек уподобляется маленькой раковине, хрупкой, пустой. В противопоставление этому образу стихийное начало, ассоциативно связанное с хаосом, представляется как нечто масштабное, всеобъемлющее, изначально равнодушное. Автором выражается хрупкость и стихийность жизни, однако, равнодушная стихия все же принимает раковину, наполняет ее, тем самым даруя жизнь и смысл. Так аллегорически демонстрируется рождение гармонии из хаоса.

Концепт «хаос» в стихотворении представляется в первую очередь первоосновой жизни. Средствами репрезентации концепта в стихотворении являются как отдельные лексические единицы (*ночь, пучина мировая*), так и метафоры (*огромный колокол зыбей, равнодушно волны пенишь, наполнишь шепотами пены*). Так

образ хаоса с одной стороны связан с образом пучины, глобальной и гибельной, и в тоже время является источником жизни, путем к гармонии. Переводчикам удалось сохранить связь «хаос-первооснова», «хаос-стихия», хотя лексические единицы, представляющие концепт «хаос» различны в двух вариантах перевода. Перевод Ван Чжиляна представлен более мягкими эпитетами, создает в первую очередь музыкальный образ, перевод Ли Шудуна ярче демонстрирует отрешенность и резкость стихии. Безусловно, каждый вариант перевода отражает индивидуальный взгляд на творчество Мандельштама, под разным углом раскрывает образ стихии в стихотворении, сохраняя при этом ряд ассоциирования «хаос-первооснова».

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: концептуализация мира в языке. Москва; Тамбов, 2009. Вып. 4.
2. Болотнов А. В. Репрезентация концепта хаос на основе текстовых ассоциатов в лирике О. Э. Мандельштама. Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 116–120.
3. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под редакцией С. Ф. Гончаренко. Москва: Изд-во МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 107–122.
4. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
5. Либерман Я. Л. Как переводят стихи (заметки о переводе еврейской и не только еврейской поэзии). Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1995. 90 с.
6. Чумак-Жунь И. И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов. Научные ведомости БелГУ. 2009. № 14(69). С. 11–20.